С этим кратко пересказанным нами рассуждением связана также статья «О бардах или первых стихотворцах у древних немцев» и редакционные примечания, сопровождавшие текст оды неизвестного поэта, посвященной Анне Иоанновне. Они появились в номерах 1, 2 и 7—8 «Примечаний» за январь 1740 г.

Здесь созвучные мысли высказаны в связи с историей немецкой поэзии. Давая высокую оценку зачинателю немецкого классицизма Опицу, автор исключает из числа поэтов «свору убогих стихотворцев», которые «уже так глубоко от немецкого Парнаса удалились, что ни один здравым умом и веселыми чувствами на сию гору взирающий человек об них не подумает и для того они в полном забвении погребены».[9] Героические песни древних бардов позволяют ему заметить, что эти основоположники поэзии «не одни только простых ковачи вершей и ткатели песен, но, по-видимому, гораздо лучших и важнейших наук люди были». Поскольку в системе наук XVIII в. ведущее место занимали этика и философия, нужно считать, что здесь вновь подчеркивается высокое содержание поэзии, а серьезный и простой стиль, соответствующий этому содержанию, противопоставляется искусному версификаторству. Может показаться, что подобные общие рассуждения, повторяющиеся из эпохи в эпоху, не заслуживают особого внимания. Дело, однако, в том, что теоретическое соображение получает в журнале конкретное приноровление.

Пожелавший остаться неизвестным иностранец, всего несколько месяцев находившийся в Петербурге, сообщил в журнал оду на немецком языке. Аноним для читателей, он не был таковым для издателей, ибо они дали подробную характеристику его литературных симпатий. Он — «великий ревнитель к немецкому стихотворству, а притом презиратель бедных писателей и таких рифмотворцев, которые между внутренним существом стихотворной науки, также между пустым звоном рифм и циркулем отмеренных слов, никакого различия не знают»; к тому же он единомышленник издателей, так как именно от них надеется получить «справедливейшее рассуждение <...> о достоинстве стихотворной науки». Насколько справедливо подобное предположение, показывает пояснение редакции, интересное в том отношении, что оно в какой-то мере подытоживает ее литературную позицию.

«Тонкое рассуждение и способность к изъявлению изрядными словами высоких мыслей, с природным дарованием, к достойной хвале славных дел, без сомнения за нужнейшие свойства стихотворца почтены быть должны. Только при сем надобно признаться, что оных свойств в происходящем ныне на свет великом множестве стихов так мало, что сей недостаток за главнейшую к тому

---

[9] В немецком оригинале: «Der Tross <...> der andern schwermet so entfernt, und so tief von dem Deutschen Parnass ab...». Русский переводчик допустил ошибку: «А Трос и другие подобные ему сочинители стихов...».